

УДК 82.7

О ДВУХ ТЕРМИНАХ М. М. БАХТИНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ XX ВЕКА

© Вера Киржаева, Олег Осовский

ON TWO M. BAKHTIN'S TERMS IN THE HISTORICAL CONTEXT OF RUSSIAN LITERARY STUDIES

Vera Kirzhaeva, Oleg Osovskiy

The article deals with one of the most important aspects of M. Bakhtin's scholarly legacy – the terminological system presented in his works. The purpose of the article is to show the levels of terminological interactions and research the dynamic process of the formation of the two key Bakhtinian terms – a hybrid construction and a laughter discourse – tracing the evolution of Bakhtin's scholarly interests. The research is based on traditions and methods of Russian historical and sociological poetics and modern academic literary studies. We have analyzed the vast scope of Bakhtin's texts of different genres (from monographs to notes), published in the collection of his works.

The two chosen terms – a hybrid construction and a laughter discourse – demonstrate possible variants of research and understanding of different historical phenomena in the Russian and world literature and culture. The term 'a hybrid construction' is one of the key categories of Bakhtin's terminological system. It emerges in the works of the "Bakhtin Circle" ("The Formal Method in Literary Studies", "The Word in Life and the Word in Poetry", etc.) and remains in Bakhtin's works of the 1930s–60s ("The Word in the Novel", the manuscript on Rabelais, "Problems of Dostoevsky's Poetics", etc.). A laughter discourse is one of the terms, which illustrates the process of hybridization in the terminological system of Bakhtin. It has several meanings, projecting its hybridity on the philosophical and linguistic aspects of the comic culture. The term of a laughter discourse emerges, when Bakhtin studies the phenomenon of a speaking human in the space of verbal creativity, especially on the borderline of the carnival and the culture of folk humor of the Middle Ages and the Renaissance.

The approaches, given in the article, can be used in contemporary Russian Literary Studies to analyze other Bakhtin terms and his terminological system as a whole.

Keywords: M. Bakhtin's scholarly legacy, contemporary Russian Literary Studies, terminological system, hybrid construction, laughter discourse.

В статье рассматривается один из важнейших аспектов научного наследия М. М. Бахтина – терминологическая система, представленная в его работах. Цель статьи – на примере двух ключевых бахтинских терминов – гибридная конструкция и смеховое слово – показать уровни терминологического взаимодействия, исследовать динамический процесс формирования этих терминов в контексте эволюции литературоведческих интересов Бахтина с опорой на методы и традиции российской исторической и социологической поэтики и современного академического литературоведения. В ходе исследования авторами был проанализирован значительный объем бахтинских текстов разных жанров (от монографий до набросков и конспектов), представленных в собрании сочинений мыслителя.

Два выбранных для рассмотрения термина показывают возможные варианты изучения и осмысления различных исторических явлений в русской и зарубежной литературе и культуре. Термин «гибридная конструкция» относится к числу ключевых понятий бахтинской терминосистемы. Он возникает в работах «Бахтинского круга» («Формальный метод в литературоведении», «Слово в жизни и слово в поэзии» и др.) и сохраняется в научном творчестве Бахтина 1930–1960-х гг. («Слово в романе», рукопись о Рабле, «Проблемы поэтики Достоевского» и др.). Смеховое слово представляет один из терминов, иллюстрирующих процесс гибридизации в терминологической системе Бахтина. Оно имеет несколько значений, проецируя свою гибридность на теоретико-философский и языковой аспекты смеховой культуры. Термин «смеховое слово» возникает в процессе изучения Бахтиным феномена говорящего человека в пространстве словесного творчества, особенно на границах карнавала и народной смеховой культуры средневековья и Ренессанса.

Подходы, предложенные в данной статье, могут быть использованы современным отечественным литературоведением при исследовании других бахтинских терминов и его терминологической системы в целом.

Ключевые слова: научное наследие М. М. Бахтина, современное отечественное литературоведение, терминологическая система, гибридная конструкция, смеховое слово.

В последние годы гуманитарная мысль уделяла немалое внимание различным аспектам научного наследия М. М. Бахтина, задаваясь вопросом, в какой степени можно говорить об адекватности понимания бахтинских замыслов и смыслов. Неоднократно повторявшаяся В. Л. Махлиным мысль о том, что Бахтин еще не прочитан и вряд ли будет прочитан с необходимым качеством понимания в ближайшие годы [см.: Махлин], может показаться обидной, однако нельзя не признать ее правоту. В этом контексте вопросы научного языка Бахтина, специфика его терминологического аппарата и интерпретация отдельных терминов и понятий должны стать предметом особого внимания. Как указывает С. И. Кормилов, «при всех сложностях, которые ставит перед исследователем своеобразная терминология Бахтина, его труды дают очень много для теории литературного произведения» [Кормилов, с. 12]. Несмотря на то что определение языка М. М. Бахтина как «вызывающе-неточного» (М. Л. Гаспаров) не лишено оснований, это не помешало бахтиноведению предложить убедительные интерпретации ряда ключевых понятий его словаря.

Погружаясь в смыслы бахтинской терминологии, можно констатировать ряд принципиальных моментов: будучи имплицитно связана с терминологией гуманитаристики рубежа XIX–XX вв., в своем формировании и развитии она проходит несколько этапов, соответствующих научным интересам М. М. Бахтина на определенном этапе. При этом вряд ли можно говорить о сложившейся терминосистеме, что объясняется многоаспектностью, противоречивостью, открытостью и незавершенностью самого процесса воплощения бахтинской мысли в конкретных текстах. Так, пребывание раннего Бахтина в пространстве философской проблематики в конце 1910-х – начале 1920-х гг. объясняет его близость тезаурусу немецкого неокантианства, что, впрочем, не отменяет достаточной оригинальности его русских терминологических конструкций в дошедших до нас фрагментах «К философии поступка» или «Автора и героя». По аналогичной схеме происходит его переход на язык социологической поэтики в «Проблемах творчества Достоевского» или исторической поэтики – в работах о романе и рукописи «Рабле». Следует напомнить, что М. М. Бахтин никогда не страдал догматической зависимостью от собственного

терминологического аппарата, в известной цитате начала 1940-х гг. подчеркивая достаточную условность любого термина: «Греческая мысль (философская и научная) не знала терминов (с чужими корнями и не участвующих в том же значении в общем языке), слов с чужим и неосознанным этимологом. Выводы из этого факта имеют громадную важность. В термине, даже и не иноязычном, происходит стабилизация значений, ослабление метафорической силы, утрачивается многосмысленность и игра значениями. Предельная однотонность термина» [Бахтин, т. 5, с. 79]. Подобный подход объясняет легкость замены термина «готический реализм» на «гротескный» в переработанной рукописи диссертации или факт отказа от «пережитков» неокантианской терминологии во втором издании книги о Достоевском по требованию Е. Ф. Книпович [см.: Бахтин, т. 6, с. 481–482].

Можно выделить несколько уровней терминологии М. М. Бахтина: ключевые, концептуальные для него понятия, иногда заимствуемые из других научных сфер (полифония, хронотоп, диалог, народная культура, речевой жанр и др.), термины-кальки и термины, образуемые по их подобию (я-для себя, я-для другого, не-алиби в бытии, не-алиби в мире, амбивалентность и др.), понятия, обретающие терминологический характер в конкретных контекстах (порог, катастрофа, скандал и др.) и т. д.

Понятие гибридной конструкции занимает особое место в терминологическом словаре М. М. Бахтина [см.: Киржаева, 2006]. Не случайно комментаторы собрания сочинений посчитали необходимым обратить на него внимание читателей: «Специальная задача бахтинистики будущего – вскрыть и показать „широту и принципиальность“, с которой М.М.Б. применяет и развивает – непосредственно в „Слове в романе“ – шпитцеровское понятие „псевдообъективная мотивировка“ (pseudoobjektive Motivierung), рассматривая его как случай более общего явления – „гибридной конструкции“» [Бахтин, т. 2, с. 754].

Идея гибридной конструкции «прорастает» в работах «Бахтинского круга» второй половины 1920-х гг. [см.: Осовский, 2005, с. 368–369] в понятиях «двойной социальной ориентировки», «двойной ориентации говорящего», в концепции «чужого слова» / «чужой речи», что находит свое отражение в статье «Слово в жизни и слово в по-

эзии», книгах «Марксизм и философия языка», «Проблемы творчества Достоевского» и даже в статьях о Толстом. В «Формальном методе в литературоведении» указано на «гибридные образования, аналогичные художественным философемам» [М. М. Бахтин (под маской), с. 317]. Важную роль имманентно присутствующее понятие гибридации играет в бахтинской типологии слова у Достоевского, что, как отмечает С. И. Кормилов, помогает «построить схему иерархически соподчиненных элементов литературного произведения, в которой один и тот же уровень реализуется как план содержания в отношении „низшего“ уровня и как план выражения в отношении „высшего“» [Кормилов, с. 13].

Обращаясь в начале 1930-х гг. к проблемам стилистики романа и романного жанра, М. М. Бахтин достаточно часто использует понятие гибридной конструкции, но только в работе «Из предыстории романного слова» появится определение термина: «высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, но в котором в действительности совмещены два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два языка, два смысловых и ценностных кругозора. Между этими высказываниями, стилями, кругозорами <...> нет никакой формальной – композиционной и синтаксической – границы; раздел голосов и языков проходит в пределах одного синтаксического целого, часто – в пределах простого предложения, часто даже одно и то же слово принадлежит одновременно двум языкам, двум кругозорам, скрещивающимся в гибридной конструкции, и, следовательно, имеет два разноречивых смысла, два акцента» [Бахтин, т. 3, с. 544].

Предметному осмыслению места гибридной конструкции в художественном произведении посвящено «Слово в романе», содержащее детальный разбор явлений стилизации, пародии и сказа, где гибридная конструкция выполняет важнейшую функцию, оказываясь, в свою очередь, и одной из разновидностей чужой речи, «многообразной игрой границами речей, языков и кругозоров» [Там же, с. 61]. Подчеркивая значение гибридной конструкции для стилистики романа, М. М. Бахтин анализирует ее роль в формировании, в частности, образа «говорящего человека в романе», «художественного изображения языка» в общем процессе гибридации языка и смысла (при этом он выходит за пределы романного жанра в сферу языкового и социально-идеологического сознания). В результате роман интерпретируется им как гибридная конструкция, т. е. «художественно организованная

система сочетания языков, система, имеющая своей целью с помощью одного языка осветить другой язык, вылепить живой образ другого языка» [Там же, с. 75].

Дальнейшее расширение понятия гибридной конструкции, превращающейся в культурфилософскую метакатегорию, отчетливо просматривается в книге о Рабле и подготовительных материалах к ней. Так, из «Философии символических форм» Э. Кассирера он выписывает важную для себя мысль об первоначальном объединении в мифе в образах богов черт человека и зверя: «На почве самого мифа это смешение черт, этот гибридный образ живого не может быть преодолен» [Бахтин, т. 4 (1), с. 827]. В самой же рукописи, характеризуя полное название «Великой Хроники», он пишет, что в нем «риторически-официальное прославление героя сливается с площадным торгово-рекламирующим прославлением книги. Второй момент вносит весело-иронические тона в официально-площадной тон. Получается гибридный тон и амбивалентная площадная хвала» [Там же, с. 342]. Приведенная цитата, как и сформулированная здесь философия телесности, напоминает о характеристике творчества М. А. Кузмина из бахтинских лекций середины 1920-х гг.: «Эта тема александризма близка Кузмину. Он указывает на то, что и телесно мы гибриды, что в нас течет всевозможная кровь» [Бахтин, т. 2, с. 361].

Дальнейшую разработку проблем гибридной конструкции М. М. Бахтин ведет в 1940–1950-е гг., обращая преимущественное внимание на металингвистические ее аспекты в работах «К стилистике романа», «Язык в художественной литературе», в черновых набросках к «Проблеме речевых жанров», где, в частности, продолжает давнюю полемику с В. В. Виноградовым и Г. Г. Шпетом [Бахтин, т. 5], учитывая ее важность для анализа соответствующих контекстов при подготовке книг о Достоевском и Рабле в 1960-е гг. [Бахтин, т. 6; т. 4 (2)].

В современных исследованиях понятие гибридной конструкции играет важную роль при определении бахтинских терминов, при работе с терминологическими полями. Таково, к примеру, рассмотрение как гибридной конструкции чужой речи и других системных явлений в языке древнерусских памятников [Киржаева, 2007], [Киржаева, 2014], метапрозы [Осовский, 1993], карнавализации [Осовский, 2002] и иных явлений отечественной и зарубежной словесности XX века [Бреева], [Несмелова], [Несмелова, Карасик], [Осовский, 2010], [Хабибуллина].

Одним из таких примеров в системе терминов М. М. Бахтина выступает «смеховое слово»,

отражающее взаимодействие двух уровней терминосистемы – более широкого понятия-основы и его реализации применительно к конкретному историко-литературному явлению. С точки зрения сегодняшнего литературоведения, смеховое слово – термин, обладающий рядом значений. С одной стороны, это один из типов слова, существующий в рамках бахтинской триады «слово – высказывание – речевой жанр», представленной в работах 1920–1950-х гг. В этом смысле смеховое слово дополняет тот набор типов слова, который был предложен еще в «Проблемах творчества Достоевского». С другой стороны, смеховое слово выступает важнейшим элементом теории смеховой культуры, разрабатывавшейся М. М. Бахтиным во второй половине 1930-х – начале 1970-х гг., и одновременно оказывается важнейшим инструментом (средством, приемом) для создания комического эффекта. Именно с последней функцией связано вхождение смехового слова в активный словарь отечественного литературоведения с момента публикации статьи «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)».

Смеховое слово относится к числу важнейших понятий теории народной смеховой культуры, бахтинской философии смеха и его эстетики комического, хотя практически отсутствует в первой редакции рукописи о Рабле. Оно появляется лишь как результат развития М. М. Бахтиным собственных идей первой половины 1930-х гг., зафиксированных еще в «Слове в романе» и посвященных проблеме формирования нового литературно-языкового сознания в эпоху острейших гуманитарных и социальных кризисов. Резюмируя точку зрения на судьбы римских смеховых жанров А. Дитериха, ученый констатирует: «специфическое и чрезвычайно вольное смеховое слово Сицилии и Нижней Италии, аналогичное слово ателлан и, наконец, аналогичное же шутовское слово Пульчинеллы возникли на меже языков и культур, которые не только непосредственно соприкасались, но в известном смысле и переплетались между собою. Мы полагаем, что для смехового универсализма и радикализма этих форм их возникновение и развитие именно на меже языков имело исключительно важное значение» [Бахтин, т. 4–1, с. 495–496]. Обратим внимание на понятие «межа языков и культур», также подчеркивающее гибридность всей совокупности словесных образов-терминов, возникающих в связи со смеховым словом.

Исследование романа Рабле как феномена народной смеховой культуры Средневековья и Возрождения обеспечивает закономерный выход на проблему исторической эволюции фольклор-

ных форм, предшествующих конкретным смеховым жанрам литературы и явлениям культуры. Установке на изучение смеха Рабле сопутствует пристальное внимание не только к историко-культурному, но и к литературоведческому, лингвистическому и философскому аспектам слова. Во второй половине 1930-х гг. ученый пишет: «Мы имеем в виду смех не как биологический и психофизиологический акт, но смех в его объективированном социально-историческом культурном бытии, прежде всего – в словесном выражении» [Бахтин, т. 3, с. 483–484]. Очевидная гибридность разнородных феноменов, присущая этому этапу европейской культуры, в значительной степени определяет вектор эволюции смехового слова: «Рядом с поэтическим употреблением слова „в не собственном значении“, то есть рядом с тропами, существуют многообразнейшие формы непрямого употребления языка иного рода: ирония, пародия, юмор, шутка, комика разных видов и т. п. (систематическая классификация отсутствует). Весь язык в целом может быть употреблен в несобственном значении. Во всех этих явлениях подвергается переосмыслению самая точка зрения, заключенная в слове, модальность языка и самое отношение языка к предмету и отношение языка к говорящему. Здесь происходит перемещение плоскостей языка, сближение несоединимого и удаление связанного, разрушение привычных и создание новых соседств, разрушение стандартов языка и мысли» [Там же].

Гибридность смехового слова проявляется, таким образом, в «обрядово-зрелищных формах», «словесно-смеховых произведениях» и «различных формах и жанрах фамильярно-площадной речи» [Бахтин, т. 4–2, с. 27]. Карнавальный смех играет в начальном формировании смехового слова самую непосредственную роль, поскольку «свое особое отношение к смеху Ренессанс выражал прежде всего самой практикой своего литературного творчества и своих литературных оценок» [Там же, с. 78]; М. М. Бахтин подчеркивает в тезисах к защите диссертации, что «смеховое слово – свободное слово» [Бахтин, т. 4–1, с. 991].

Характерная для мыслителя широта охвата литературного материала позволяет выявить общие закономерности функционирования смехового слова в художественных произведениях значительного круга писателей, представляющих карнавальный тип литературного творчества, – от Рабле до Пушкина и Гоголя. «В творчестве Гоголя, – пишет он, – мы найдем почти все элементы народно-праздничной культуры. Гоголю было свойственно карнавальное мироощущение,

правда, в большинстве случаев романтически окрашенное <...> Смеховое слово организуется у Гоголя так, что целью его выступает не простое указание на отдельные отрицательные явления, а вскрытие особого аспекта мира как целого» [Бахтин, т. 4–2, с. 515, 519]. Последнее непосредственно связано с характером эволюции слова и языка, многоязычия и разноречия в романном слове, представленном смеховой литературной традицией: «<...> активное многоязычие и способность глядеть на свой язык извне, то есть глазами других языков, делают сознание исключительно свободным по отношению к языку. Язык делается чрезвычайно пластичным даже в его формально-грамматической структуре. В художественно-идеологическом плане важна прежде всего исключительная свобода образов и их сочетаний, свобода от всех речевых норм, от всей установленной языковой иерархии» [Там же, с. 521].

Естественно, практическая реализация гибридной конструкции в терминологии М. М. Бахтина не исчерпывается смеховым словом. Широкий круг понятий – от диалога культур и речевых жанров до большого времени и большого опыта – имеет отчетливый оттенок гибридности и заслуживает специального рассмотрения в этом аспекте. Думается, предложенные нами в статье подходы к анализу двух терминов М. М. Бахтина могут стать своего рода отправной точкой для дальнейшего исследования этой важной для отечественного литературоведения проблемы.

Список литературы

Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1–6. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012.

Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.

Бреева Т. Н. «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 14–17.

Киржаева В. П. Конструкция гибридная // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II–III. Саранск: Красный Октябрь, 2006. С. 141–142.

Киржаева В. П. Отражение терминологии древнерусского права в «Повести временных лет» // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы V Международного конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 55–56.

Киржаева В. П. Статус и формы «чужой речи» в древнерусской житийной литературе (на материале житий XII–XIII вв.) // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный кон-

гресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 60–61.

Кормилов С. И. Особенности литературоведческой терминологии М. М. Бахтина и строение литературно-художественного произведения // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 2 (15). С. 5–22.

Махлин В. Л. Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, 2015. 176 с.

Несмелова О. О. Война, фашизм, тоталитаризм – средствами nonfiction // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4 (30). С. 26–29.

Несмелова О. О., Карасик О. Б. Образ Анны Франк в массовой культуре: фикционализация личности // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 3 (37). С. 157–162.

Осовский О. Е. Бахтин, метапроза, советская литература // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 194–198.

Осовский О. Е. Ф. Рабле, карнавал и карнавальная культура в работах М. М. Бахтина 1930–1950-х гг. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2002. № 1. С. 59–74.

Осовский О. Е. Рец.: The Bakhtin Circle. In the Master's Absence // Вопросы литературы. 2005. № 4. С. 368–369.

Осовский О. О. Явление метапрозы в контексте литературоведческих исканий последних десятилетий // Филология и культура. Philology and Culture. 2010. № 20. С. 174–177.

Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в современной английской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2010. № 20. С. 183–187.

References

Bakhtin, M. M. (1996–2012). *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. V. 1–6. Moscow, Russkie slovari; Jazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Bakhtin, M. M. (pod maskoi). (2000). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filozofia iazyka. Stat'i* [Freudism. The Formal Method in Literary Studies. Articles]. 640 p. Moscow, Labirint. (In Russian)

Breeva, T. N. (2012). «Novyi biografizm» v sovremennoi russkoi literature [“New Biographism” in Modern Russian Literature]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 2012, No. 4 (30), pp. 14–17. (In Russian)

Khabibullina, L. F. (2010). *Nacional'nyi mif v sovremennoi angliiskoi literature* [The National Myth in Modern English Literature]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 2010, No. 20, pp. 183–187. (In Russian)

Kirzhaeva, V. P. (2006). *Konstrukciia gibridnaia* [The Hibryd Construction]. M. M. Bakhtin v Saranske: dokumenty, materialy, issledovaniia. Vyp. II–III. Saransk, Krasnyi Oktiabr', 2006, pp. 141–142. (In Russian)

Kirzhaeva, V. P. (2014). *Otazhenie terminologii drevnerusskogo prava v «Povesti vremennykh let»* [The Reflection of the Old Russian Law Terminology in “The Tale of Bygone Years”]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Trudy i materialy V Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelei russkogo yazyka.

Moscow, Moscow University, 2014, pp. 55–56. (In Russian)

Kirzhaeva, V. P. (2007). *Status i formy «chuzhoi rechi» v drevnerusskoi zhitiinoi literature (na materiale zhitii XII–XIII vv.)* [The Status and Forms of the ‘Reported Speech’ in the Old Russian Hagiographic Literature]. *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka: Trudy i materialy*. Moscow, MAKS Press, 2007, pp. 60–61. (In Russian)

Kormilov, S. I. (1996). *Osobennosti literaturovedcheskoi terminologii M. M. Bakhtina i stroenie literaturno-khudozhestvennogo proizvedeniia* [On the Characteristic Features of M. M. Bakhtin’s Literary Terminology and the Structure of a Fictional Work]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 1996, No. 2 (15), pp. 5–22. (In Russian)

Makhlin, V. L. (2015). *Bol'shoe vremia: Podstupy k myshleniiu M. M. Baxtina* [The Great Time: Approaches to M. Bakhtin’s Thinking]. 176 p. Siedlce, University of natural Sciences and Humanities. (In Russian)

Nesmelova, O. O. (2012). *Voina, fashizm, totalitarizm – sredstvami nonfiction* [War, Fascism and Totalitarianism by Means of Nonfiction]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 2012, No. 4 (30), pp. 26–29. (In Russian)

Nesmelova, O. O., Karasik, O. B. (2014). *Obraz Anny Frank v massovoi kul'ture: fikcionalizatsiya lichnosti* [The Image of Anne Frank in Mass Culture: Fictionalization of the Personality]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 2014, No. 3 (37), pp. 157–162. (In Russian)

Osovskiy, O. E. (1993). *Bakhtin, metaproza, sovet-skaia literatura* [Bakhtin, Metaprose, Soviet Literature]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 1993, No. 2–3, pp. 194–198. (In Russian)

Osovskiy, O. E. F. *Rable, karnaval i karnaval'naia kul'tura v rabotax M. M. Bakhtina 1930–1950-x gg.* [F. Rabelais, the Carnival and the Carnival Culture in M. M. Bakhtin’s Works of the 1930s–1950s]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 2002, No. 1, pp. 59–74. (In Russian)

Osovskiy, O. E. Rec.: *The Bakhtin Circle. In the Master’s Absence*. *Voprosy literatury*, 2005, No. 4, pp. 368–369. (In Russian)

Osovskiy, O. O. *Yavlenie metaprozy v kontekste literaturovedcheskikh iskanii poslednikh desyatiletii* [The Phenomenon of Metaprose in the Context of Literary Studies of the Recent Decades]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 2010, No. 20, pp. 174–177. (In Russian)

The article was submitted on 24.01.2016
Поступила в редакцию 24.01.2016

Киржаева Вера Петровна,
доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук,
профессор,
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевицкая, 68.
kirzhaeva_vera@mail.ru

Осовский Олег Ефимович,
доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук,
профессор,
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевицкая, 68.
osovskiy_oleg@mail.ru

Kirzhaeva Vera Petrovna,
Doctor of Pedagogy,
Ph.D. in Philology,
Professor,
Mordovian State University
named after N. P. Ogaryev,
68 Bolshevikskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation
kirzhaeva_vera@mail.ru

Osovskiy Oleg Efimovich,
Doctor of Pedagogy,
Ph.D. in Philology,
Professor,
Mordovian State University
named after N. P. Ogaryev,
68 Bolshevikskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
osovskiy_oleg@mail.ru